

должны были съ благоговѣніемъ испрашивать благословеніе святаго патрона своего.

Тѣмъ временемъ священникъ, окончивъ громогласную молитву, вмѣстѣ съ деревенскимъ старшиною подошли къ прекраснымъ сиротамъ и потребовали назвать тѣхъ, которые удостоились ихъ выбора. Гордые дѣвицы произнесли сладкозвучныя для нихъ имена. Послѣ этого мудрый архонтъ возвратился на площадку свою и потребовалъ къ себѣ Ликурга и Стефанія, двухъ друзей по ремеслу, прозванныхъ филоадеффи—и громко произнесъ:

— Нашъ благословенный Богомъ покровитель и защитникъ внушилъ Патрицѣ и Христинѣ свою святую волю избрать васъ въ мужья и покровители. Отвѣчайте всенародно принимаете-ли вы такое благо за милость свыше или отвергаете его?

— Да будетъ воля Господня надъ нами—отвѣчали друзья.

— Аминь! раздалось со всѣхъ сторонъ и сотни виноградныхъ вѣтковъ полетѣли къ ногамъ жениховъ и невѣстъ, тутъ же обреченныхъ.

Затѣмъ, послѣ обычныхъ привѣтствій и поздравленій архонтъ, назначивъ день бракосочетанія, отпустилъ всѣхъ домой.

Съ этого счастливаго дня Патрица и Христина, занятыя ласками и услугами избранныхъ жениховъ, никогда не думали о томъ, что обязаны принести въ даръ покровителю своему по парѣ шитыхъ собственными руками башмаковъ. Однажды крестная мать напомнила имъ объ этомъ, но Патрица отвѣчала, что у святителя собралось такое количество обуви, что онъ не сносить ее за сотню лѣтъ.

— А не обидится-ли этимъ нашъ покровитель? спросила старушка.

Невѣсты переглянулись съ улыбкою.

— Признаться у меня въ настоящее время нѣтъ ни охоты, ни матеріаловъ, чтобы заняться шитьемъ башмаковъ—сказала Христина. Впрочемъ я когда нибудь исполню это странное обязательство, чтобы вы не вздумали вторично меня укорять.

— Не мое дѣло укорять васъ—замѣтила старуха—но я обязана передать вамъ, что св. Спиридонъ никому не прощаль не уваженія къ себѣ.

— Сказанное вами можетъ быть и справедливо—отвѣчала съ неудовольствіемъ Патрица—но едва ли относится къ намъ, такъ какъ мы никогда не собирали даже маслинъ для лампадъ святаго.

— И вы этимъ тщеславитесь? замѣтила крестная мать. Жаль мнѣ васъ, дѣти мои: горе лежитъ за вашими плечами, если вы не исполните съ благоговѣніемъ того, что считалось у нашихъ предковъ священнымъ долгомъ.

Три мѣсяца спустя Ликургъ и Стефаній объявили невѣстамъ, что они окончательно приготовились къ празднованію бракосочетанія и что завтра намѣрены ѣхать въ море, въ надеждѣ поймавъ къ свадебному пиру сладкотѣлую муруну (осетра).

Сестры отъ радости захлопали въ ладоши и обѣщали выйти на прибрежную скалу, чтобы любоваться дѣйствіемъ жениховъ.

На слѣдующій день Ликургъ и Стефаній, замѣтивъ подругъ своихъ на возвышенности, быстро спустили лодку свою на воду и, затаивъ молодецкую пѣсню, двинулись въ синеву моря, но не прошло и часа какъ зеркальная поверхность моря начала колыхаться и щетиниться пѣнистыми валунами. У красавицъ заняли сердца. Но развѣ женихамъ ихъ впервые приходилось вести борьбу съ разъяреннымъ моремъ? Однако, какъ они не угѣшали себя этимъ, глаза ихъ съ ужасомъ слѣдили за каждымъ движеніемъ лодки, которая то подымалась на значительную высоту съ бѣло-снѣжнымъ валомъ, то исчезала въ мрачной глубинѣ ожесточенной стихіи. Затѣмъ сестры видѣли какъ ихъ возлюбленные захватили крючьями веревку съ приманками для рыбы, какъ отцѣпили отъ нея, безъ сомнѣнія, великолѣпную рыбу и какъ мастерски повернули къ берегу свою ладью. Еще часть и трепещущія сердца ихъ переполнятся радостію! Отъ избытка чувствъ сестры смѣялись и руки ихъ какъ-то невольно подымались, чтобы показать друзьямъ бѣлый плагокъ.

Какъ вдругъ изъ за скалы вылетѣлъ неизмѣримой вышины страшный смерчь. Море застонало, лодка завертѣлась и скрылась въ мрачномъ ураганѣ. Черезъ минуту, когда страшилище пронеслось, нигдѣ на всей поверхности воды не видно было ничего, за исключеніемъ лучезарнаго лика св. Спиридона, указывающаго на свои голыя ноги.

Патрица и Христина въ порывѣ отчаянія съ страшнымъ воплемъ закричали: „Такъ вотъ какъ ты мстиишь бѣднымъ сиротамъ, святой покровитель людей! Отнынѣ мы отвращаемъ наше лицо отъ тебя и клянемся нашею жизнью, что не допустимъ никого чтить твое имя. Да будетъ тебѣ вѣдомо, что и отъ храма твоего съ священной рощею не останется и слѣдовъ!“

Не успѣли несчастныя произнести этихъ словъ, какъ затрепетала подъ ними земля, рвануль оглушительный вѣтеръ и дерзкія сестры подняты были на воздухъ, откуда съ быстротою молніи сброшены были въ разъяренное море и тамъ, гдѣ онѣ погребены, чтобы людское милосердіе не коснулось ихъ грѣшныхъ тѣлъ,—моментадно выдвинулись двѣ опасныя скалы, названныя рыболовами могилою безбожныхъ сестеръ.

Скалы эти существуютъ по настоящее время, чтобы напоминать людямъ о ничтожествѣ ихъ предъ избранными Богомъ святыми угодицами.

22 Золотая колыска и нановальня.

У подножія сѣвернаго отклона Яйлынскаго хребта, въ трехъ верстахъ отъ большаго татарскаго селенія Бюкъ-Озенбашъ, находится пещера Каплу-кая. Узнавъ, что около нея сохранились какіе-то слѣды отъ древнихъ могилъ, я поѣхалъ туда съ проводникомъ. На обратномъ пути ко мнѣ внезапно выскочилъ изъ

лѣсной чащи страшно изуродованный и обросшій длинною боро-
дою пожилой татаринъ.

— Ты вѣрно ѣздилъ, чтобы похитить у меня золотую люльку
и наковальню — вскрикнулъ онъ, подбѣгая ко мнѣ съ поднятою
палкою.

Къ счастью лошадь моя испугавшись, рванулась въ сторону и такъ
понеслась, что я съ трудомъ могъ удержать ея около деревни.

Вечеромъ, когда посетилъ меня хозяинъ, я между прочимъ пе-
редалъ ему о неприятной встрѣчѣ моей въ лѣсу и просилъ раз-
сказать съ какою цѣлью этотъ сумасшедшій спрашивалъ меня
о золотой колыбели и наковальнѣ.

Извольте видѣть—отвѣчалъ онъ—нѣсколько лѣтъ тому назадъ
этотъ несчастный человѣкъ былъ нашимъ десятникомъ. Претер-
пѣвая ужасную бѣдность, онъ только и думалъ о томъ какимъ-бы
образомъ обезпечить себя съ своимъ многочисленнымъ семействомъ
отъ недостатковъ. Съ этою мыслею онъ вслушивался въ разговоры
о кладахъ и постоянно приходилъ въ отчаяніе, что не знаетъ мѣста
гдѣ-бы могъ найти золота. Однажды онъ пришелъ ко мнѣ по
дѣлу и затѣялъ свой любимый разговоръ. „Знаешь что пріятель
сказалъ я—ты ищешь кладовъ, а между тѣмъ кладъ у тебя подъ
бокомъ“. Селимъ недовѣрчиво покачалъ головою.

„Ты не вѣришь—продолжалъ я—въ такомъ случаѣ я передамъ
тайну болѣе счастливымъ, чѣмъ ты“. При этой угрозѣ бѣднякъ
поблѣднѣлъ и умоляющимъ голосомъ просилъ не скрывать отъ
него истины.

— Ну, слушай—сказалъ я—ты знаешь ту скалу за деревнею,
которую называютъ Каплу-кая.

— Какъ не знать, знаю.

— Въ этой скалѣ есть пещера...

— Знаю и пещеру.

— У конца этой пещеры, по словамъ бывшихъ у меня недавно
маріупольскихъ грековъ, хранятся золотыя люлька и наковальня.
Если ты не трусь и желаешь быть богатымъ, отправляйся туда
подъ пятницу и иди назадъ безъ оглядки; на случай если за
тобою послышится свистъ, хохотъ, плачь или угрозы—не обра-
щай вниманія. Въ противномъ случаѣ ты лишишься ума и на всю
жизнь останешься такимъ.

Выслушавъ меня, Селимъ неоднократно допрашивалъ не под-
смѣиваюсь-ли я надъ нимъ. Наконецъ увѣренный, что я сообщилъ
ему что слышалъ отъ людей, предки которыхъ жили въ Крыму,
онъ съ сіяющимъ лицомъ простился со мною, а нѣсколько дней
спустя я и вся деревня увидѣли его въ томъ ужасномъ положеніи,
въ какомъ представился и вамъ въ лѣсу.

— Такъ онъ лишился разсудка? спросилъ я.

— Совершенно.

— Отчего-же?

— Онъ входилъ въ эту таинственную пещеру и вѣроятно злые
духи съумѣли заставить его оглянуться назадъ...

— А не знаешь-ли ты—спросилъ я—кто поставилъ въ эту пе-
щеру золотую колыску и наковальню и съ какою цѣлью?

— Чтобы отвѣтить вамъ на этотъ вопросъ, мнѣ приходится раз-
сказать цѣлую исторію, сообщенную гостившими у меня маріуполь-
цами.

— Ты окажешь мнѣ большое одолженіе.

Татаринъ наложилъ трубку и послѣ минутнаго молчанія началъ
слѣдующаго рода легенду:

„Когда-то въ отдѣленные отъ насъ времена въ Крыму суще-
ствовало два сильныхъ и богатыхъ царства. Одно изъ нихъ на-
зывалось Френскимъ (генуэзскимъ), а другое Урумскимъ (грече-
скимъ). Эти два царства были пограничны между собою и постое-
нно вели отчаянныя битвы одни за независимость, а другіе за
господство. Естественно, что они не могли долго оставаться въ
такихъ враждебныхъ отношеніяхъ; надо было порѣшить дѣло чѣмъ-
нибудь, но какимъ образомъ? Вопросъ этотъ враждебные князья
предложили подданнымъ на разрѣшеніе и съ нетерпѣніемъ ожи-
дали какой послѣдуетъ отвѣтъ. Мѣсяць спусти Френскій полково-
децъ прибылъ къ Урумскому хану съ предложеніемъ, что если
онъ желаетъ навсегда сдѣлаться другомъ ихъ, то пусть отдастъ
ему въ залогъ дружбы и союза тѣ золотыя колыбель и наковаль-
ню, которыя составляютъ священную эмблему княжества.

Визирь, выслушавъ это дерзкое требованіе, въ запальчивости схва-
тился за рукоятку сабли и сказалъ:

— Какое святотатство! Неужели тебѣ не извѣстно, что въ этой
колыбели вскормлены были грудями царицы всѣ царствующіе у
насъ во всѣ времена князья, а передъ наковальнею клялись въ
истинѣ и вѣрности мы и всѣ бывшіе до насъ подданные!

— Я и требую ихъ только потому, что отлично знаю какъ вы
высоко цѣните эти два предмета. Если вы передадите ихъ въ
жертву дружбы, тогда мы убѣдимся, что вы держите его выше
всего драгоцѣннаго для васъ. Въ томъ же, что мы жаждемъ мира
и готовы дать вамъ въ залогъ все чѣмъ обладаемъ, для убѣжде-
нія потребуйте и я сейчасъ представлю.

Урумскій визирь возвратился къ повелителю своему и передалъ
ему требованія и предложенія враждебнаго полководца.

— Это не дурно—отвѣчалъ князь, но какъ-бы Френки не обма-
нули насъ и какъ-бы сдѣлать такъ, чтобы они вынуждены были
хранить свято обязательство?

— Такъ вы рѣшаетесь отдать имъ вашу и народную святыню?
спросилъ пораженный министръ.

— А какъ мнѣ иначе поступить, чтобы прекратить постоянное
пролитіе крови?

— По моему подобныхъ уступокъ не слѣдуетъ дѣлать врагамъ,
а надо потребовать отъ нихъ чегонибудь такого, на что они въ
свою очередь не согласятся. Тогда требованія ихъ измѣнятся и
мирный договоръ послѣдуетъ на менѣе чувствительныхъ потеряхъ.

— Чего же потребовать такого?

— Да хоть напиримърѣ документы на право владѣнія ихъ землями. Надо полагать, что на это они не согласятся.

— Иди, требуй.

Визирь вышелъ къ Френскому полководцу и объявилъ волю своего государя. Послѣдній въ свою очередь отправился на совѣщаніе къ своему повелителю и принесъ въ отвѣтъ, что требованіе грековъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть выполнено.

— Но ты мнѣ обѣщаль словомъ честнаго воина доставить все, что я не потребую—сказалъ греческій представитель.

— Я не въ правѣ былъ исполнить обѣщанія, но ты властенъ отобрать силою требуемый документъ, такъ точно какъ и мой господинъ колыску и наковальню.

Нѣсколько дней спустя отъ Френскаго князя явился новый посланникъ.

— Возьмите отъ насъ все другое, кромѣ документа на землю—говорилъ онъ—мы жаждемъ дружбы, иначе всѣ до единаго ополчимся противъ васъ и разомъ прекратимъ тѣ печальныя явленія, которыя не прекращались до настоящаго времени между обѣими націями. Мы силою отберемъ отъ васъ ваши святыни, если вы не сдадите ихъ добровольно.

— Ты угрожаешь намъ—отвѣчали греки—въ такомъ случаѣ приводи угрозу твою въ исполненіе. Мы не боимся никого, а скорѣе всѣ до единаго умремъ, чѣмъ отдадимъ на поруганіе священные для народа предметы.

— Другаго отвѣта я не получу? спросилъ Френкъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! заревѣла толпа.

Обстоятельство это возбудило вновь отчаянную битву между двумя ханствами. Всѣ дрались какъ львы и гибли массами. Вскорѣ въ рядахъ грековъ оказался огромный недочетъ лучшихъ воиновъ и предводителей и княжеству угрожала серьезная опасность. Френки продолжали требовать золотую колыбель и наковальню, обѣщая прекратить войну.

Тогда греческій князь собралъ подданныхъ своихъ и спросилъ: согласятся-ли они удовлетворить требованіе враговъ.

— Нѣтъ, нѣтъ—было отвѣтомъ—мы этого не допустимъ до того времени, пока всѣ не погибнемъ.

— Дѣти мои—сказалъ тронутый князь—я и тогда не отдамъ имъ колыбели, въ которой вскормлены были я и мои праотцы. Еще выше я цѣню наковальню, предъ которой вы произнесли мнѣ клятву вѣрности. Если вы умрете, клянусь вамъ я заморю себя голодомъ со всѣмъ семействомъ на этихъ священныхъ предметахъ и скрою ихъ съ заклятіемъ, чтобы никому на вѣки вѣковъ не пришлось прикоснуться къ нимъ. Сказавъ это князь съ рыданіями простился съ воинами и, забравъ народныя драгоценности и семейство свое, прибылъ къ пещерѣ Каплу-кал и съ помощію сопровождавшихъ его вступилъ во внутренность скалы.

— Я не буду принимать мясной пищи—сказалъ онъ удаляющимся слугамъ—до того времени, пока вы не принесете мнѣ из-

вѣстія о побѣдѣ надъ врагами; если же я умру раньше, а вы восторжествуете, то пусть смерть мою сочтутъ за жертву, принесенную добровольно за спасеніе самыхъ драгоценныхъ предметовъ моего вѣрнаго народа.

Когда всѣ разошлись греческій князь занесъ колыску и наковальню въ самую отдаленную глубину пещеры и поставя ихъ тамъ, склонился на колѣни и, поднявъ руки къ небу, произнесъ слѣдующаго рода заклятіе:

„Всевѣдующіе духи! призываю васъ въ эту мрачную глубину быть свидѣтелями моей предпоследней воли. Вамъ извѣстно, что я и всѣ бывшіе до меня князья вскормлены были грудью матерей своихъ въ этой драгоценной колыбели, вслѣдствіе чего она сдѣлалась нашею святынею. Вы также знаете, что передъ этою наковальнею я, предмѣстники мои и весь народъ произносили клятву вѣрности, истины и дружбы и никогда никто изъ насъ не измѣнялъ ей. Слѣдовательно и это орудіе для насъ также священно какъ и первое. Между тѣмъ алчные и ненавидные сосѣди наши Френки задумали лишить насъ этихъ драгоценностей и подняли весь народъ мой противъ себя и этотъ несчастный трудолюбивый народъ погибнетъ ради спасенія священныхъ для него предметовъ. Погибну и я съ семействомъ, охраняя наши общія свяitosti. Вы добрые духи будете видѣть мои предсмертныя муки и слышать вопли невинныхъ дѣтей моихъ. Умоляю васъ ради пожертвовавшихъ собою собратій моихъ, ради смерти дѣтей моихъ отнынѣ принять подъ сохраненіе свое эти безцѣнные вещи, за принадлежность которыхъ умираетъ цѣлая нація съ государемъ!

„Аминь! послышалось въ отдаленныхъ гротахъ.

— Заклинаю кровью нашею—продолжалъ царь—и того, кто рѣшится взглянуть на эти сокровища съ умысломъ похищенія, пусть онъ лишится разсудка и подобно бѣшенному волку рыскаетъ по горамъ до тѣхъ поръ, пока погибнетъ такимъ же жалкимъ образомъ какъ и я, послѣдній охранитель народныхъ святостей!

„Аминь! повторили духи.

— Но если милостивый Богъ совершитъ чудесное спасеніе моего княжества и я останусь въ живыхъ, то пусть тридцать третьей первенецъ моего поколѣнія воспользуется правомъ свободнаго приобрѣтенія этихъ предметовъ. Къ тому времени безъ сомнѣнія наши враги, если не нашими поколѣніями будутъ изгнаны изъ благословенной почвы Крыма, то ихъ изгонять сильнѣйше насъ. Заклинаю ихъ погибнуть отъ измѣны друга и отъ руки безжалостныхъ палачей!

„Аминь! произнесли таинственные голоса.

Въ этотъ моментъ предъ изнуреннымъ княземъ показался въ бѣлой одеждѣ благовидный старецъ и сказалъ ему:

— Не отчаивайся владыка грековъ твои подданные на дняхъ же восторжествуютъ надъ твоими врагами и ты будешь долго еще царствовать. Но печаленъ будетъ конецъ царствованія твоей дочери. Ты счастливъ, что не доживешь до этого ужаснаго дня;

счастливы и тѣмъ еще, что глаза твои не увидятъ ручья крови отъ всеобщей гибели защитниковъ твоего княжества.

— Кто же нанесетъ такую гибель?

— Теперешніе же враги ваши.

— Неужели Господь допустить ихъ до этого?

— Къ тому времени поколѣніе ваше заслужитъ гнѣвъ и кару неба.

— А что станеть съ Френками послѣ ихъ торжества!

— Твое заклятіе исполнится въ точности. Они всѣ почти погибнуть отъ рукъ чужестраннаго народа и только не многимъ удастся или бѣжать, или принять религію побѣдителя; между тѣмъ остатокъ грековъ размножится снова и доживетъ до счастливаго времени.

— Благодарю Создателя моего и за эту милость—и князь протянулъ руку, чтобы поцѣловать одежду святаго человѣка, но его уже не стало.

Нѣсколько дней спустя къ князю прискакали гонцы и дѣйствительно сообщили отрадную новость о поражении Френковъ.

Съ той поры золотая колыбель и наковальня стоятъ въ гротѣ Капду-кай и бдительно охраняются духами въ ожиданіи тридцать третьяго наслѣдника урумскаго князя.

23 Вай анамъ хаясы.

(Ай маменькина скала).

Подъ этимъ названіемъ существуетъ невадали отъ Бахчисарая, около храма Св. Анастасіи, колоссальнаго размѣра каменный естественный истуканъ, а нѣсколько дальше отъ него другой, тоже въ подобіе человѣческаго корпуса подъ именемъ *хорхма-баламъ* (т. е. не бойся дитя мое). Оба эти камня расположены у проселочной дороги, ведущей къ Качикальену и примыкають къ сплошной скалѣ, на которой отпечатлѣлись подобія домашнихъ животныхъ.

Такая замѣчательная игра природы заставила туземныхъ татаръ придумать о происхожденіи ихъ слѣдующаго рода легенду.

Въ давноминувшее время въ окрестности, гдѣ теперь возносятся къ небу чудотворныя великаны *Вай-анамъ хаясы* и *хорхма-баламъ* обиталъ грозный владѣтель Топаль-бей. Его громадный сераль былъ построенъ въ родѣ замка и никто не пользовался правомъ проникать за стѣны его, безъ особеннаго соизволенія хозяина. Между тѣмъ по общему убѣжденію въ сераль этотъ попадали всѣ почти хорошенькія женщины Крымскаго царства, но куда онѣ дѣвались потомъ, когда сластолюбивый бей пресыщался ими, никто не вѣдалъ. Покрайней мѣрѣ ни одна изъ нихъ не выходила болѣе на свѣтъ Божій. Сосѣдніе жители различно толковали объ этомъ страшномъ человѣкѣ. Одни признавали его злымъ духомъ, въ образѣ человѣка, а другіе людоѣдомъ.

Тѣмъ временемъ въ деревнѣ Топчи-кой, отстоящей отъ этого серала въ двухъ часовой ходѣ, проживалъ Кемаль мурза, человѣкъ

богатый, но страстно преданный набѣгамъ на Москововъ. Мурза этотъ имѣлъ прекрасную жену и единственную дочь отъ перваго брака, красавицу какихъ мало встрѣчалось на бѣломъ свѣтѣ. Многіе изъ важныхъ сановниковъ ханства изъявляли желаніе получить руку этой очаровательной дѣвицы, но отецъ никому не давалъ положительнаго отвѣта, пока любимая имъ Селиме не достигнетъ 15 лѣтняго возраста и сама сдѣлаетъ выборъ.

Слухи о красотѣ Селиме часто доходили до Топаль-бея, но онъ не могъ отыскать такихъ людей, которые рѣшились бы привести къ нему въ гаремъ эту небывалую красавицу.

Въ одно время Топаль-бей выѣхалъ на охоту травить зайцевъ. Не пробѣхалъ онъ и тысячи шаговъ отъ своего жилища, какъ борзья собаки выгнали изъ подъ кустовъ животное и пустились за нимъ; бей также поскакалъ. Долго, долго они гнались за интересной добычею, но увы ни скакунъ бей, ни легкія собаки не могли остановить ее. Озлобленный бей поминутно шпорилъ коня и покончилъ тѣмъ, что несчастная лошадь вдругъ остановилась, пошатнулась и пала мертвою. Собаки и добыча исчезли въ степной дали.

Топаль-бей ломалъ себѣ пальцы отъ негодованія и злобно продолжалъ смотрѣть впередъ, въ предположеніи, что собаки завернутъ зайца и изловятъ его предъ нимъ; однако время проходило и насталъ вечеръ. Бей, потерявъ терпѣніе, рѣшился зайти на ночлегъ въ первую хижину, которая повстрѣчается. Нѣсколько минутъ спустя предъ нимъ показались постройки. Подошедши къ дверямъ перваго зданія Топаль-бей постучалъ въ мѣдное кольцо.

— Кто тамъ? спросилъ вышедшій слуга.

— Странникъ Божій проситъ ночлега—отвѣчалъ бей.

Двери отворились и князь введенъ былъ въ *оду*, (комната) предназначенную для пріема гостей.

Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій и разспросовъ Топаль-бей узналъ, что онъ противъ ожиданія попалъ въ сераль Кемаль-мурзы.

— Правда ли—спросилъ онъ у слуги—что у твоего господина жена и дочь необыкновенно красивы?

— Въ дѣйствительности этого никто не можетъ сомнѣваться.

— А нельзя ли дружкомъ увидѣть мнѣ ихъ хоть въ щель дверную. Я очень богатъ, знатенъ и слѣдовательно могу быть приличнымъ женихомъ. За одолженіе же я подарю тебѣ кошелекъ червонцевъ—и онъ бросилъ къ ногамъ его обѣщанное золото.

Пораженный такою щедростію слуга изъявилъ согласіе исполнить просьбу гостя и исполнилъ ее въ ту минуту, когда красная Селиме съ молодою не менѣе красивою мачихою ея расположились на вечернюю молитву. Бей слѣдилъ за каждымъ движеніемъ ихъ, какъ могущественный левъ за слабыми и беззащитными существами. Съ трудомъ подкупленному рабу удалось отвести его обратно въ *оду*.

Нѣсколько дней спустя народъ освѣдомился, что въ глухую ночь дворецъ Кемаль-мурзы подвергся нападенію неизвѣстныхъ злоумышленниковъ и пропали безъ вѣсти молодая хозяйка. Когда